

АРХИТЕКТУРОВЫЧИТАНИЕ

Медиаинформационная газета - 2001 - 12 сент. - с. 9
Александр Бродский и Жан Нувель
приближаются к природе

Издали кажется, что это покосившийся остов старой пристани...

Лара Копылова

МИРОВАЯ звезда Жан Нувель заметил, что современная архитектура гордится своей кажущейся простотой. Мол, в XX веке архитекторы опьянялись технологиями, новые технологии рождали новые конструкции, новые конструкции определяли форму — и про это была архитектура. А теперь она вернулась к простым вещам — к соотношению света и материи, например. И суть архитектуры в том, «что фасад вдруг становится оранжево-зеленым на закате».

Прозрачные фасады Нувеля и правда артистично «ловят» закаты и дожди, облака и деревья. Одно отражают, другое просвечивают. Нувель, как фокусник, включает в архитектуру природу, которую не он создал, но которая на него работает. Только вот достигается вся эта «простота» при помощи сложных невидимых технологий. Хай-текное стекло настолько совершенно, что уподобляется воде или воздуху, а сам Нувель — Господу Богу. Главное в новых технологиях — их невидимость и как бы отсутствие.

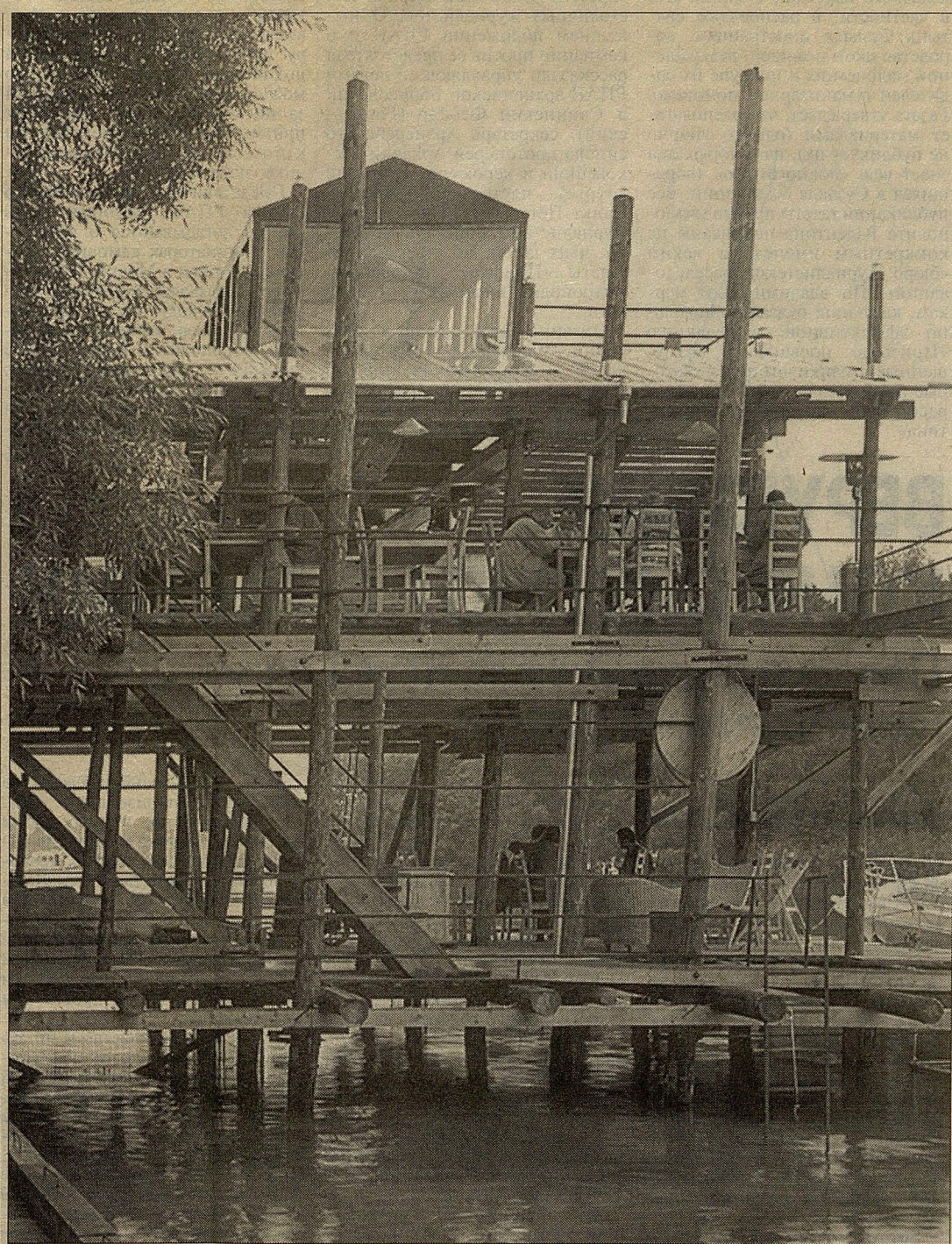
Александр Бродский сделал еще круче. В его ресторане высокие технологии не «как бы», а вообще отсутствуют, но результат столь же мощный. В Подмоскowie и в Нью-Йорке почти одновременно (в Подмоскowie чуть раньше) строят-

ся две вещи: ресторан «95 градусов» Бродского и Ривер-хотел Нувеля. Необстроганный бревенчатый лоу-тек и вылизанный хай-тек, молчаливый Бродский и красноречивый Нувель, маленький причал и большой отель. Ничего общего, конечно. Но вот гордятся архитекторы примерно одним и тем же. Поэтому я их и сравниваю.

Обе постройки заброшены между небом и водой, только под одной — Пироговское водохранилище, а под другой — Манхэттенский залив. Человек на границе небесной и водной среды чувствует себя неуверенно: они так близко, что впору уподобиться их обитателям — птицам и рыбам. Но у Нувеля эти острые ощущения вызываются только понарошку, а у Бродского — всерьез. Потому что в манхэттенском пенале отсутствие стен и дырка в полу с плещущимся заливом — липа, они прикрыты спасительным стеклом. А в «95» стен действительно нет, и дырки в полу настоящие (сидки с форелью и раками), и вообще количество пола на три уровня небольшое. Так что требуется известная осторожность, особенно после употребления градусов, чтобы пищей и рыбой не стать. Пик острых ощущений — отдельный кабинет, в который можно попасть только по приставной лестнице. «Отдельный» он в кавычках, наедине там можно остаться разве что с пейзажем. Там совсем никакой защиты — открытый угол, квадратик пола. И лучший обзор.

Ради обзора строит свой отель и Жан Нувель. Ради обзора делает в нечастных частях (кинотеатре и холле) сплошь стеклянные стены и углы. Его архитектура, как видеоискатель, «схватывает и присваивает» лучшие картины Нью-Йорка («здесь город смотрится в зеркало Манхэттена, знает, как он красив»). Архитектура тоже смотрится в воду и тоже знает, как красива. Архитектура на воде — почти всегда нарциссизм, нувелевская архитектура от этого нарциссизма заражается.

У Бродского немного иначе. Хотя начиналось все тоже с красивого вида. Когда Бродский с заказчиком набрали на это место в Бухте Радости, архитектор предложил вообще ничего здесь не строить, чтоб не портить произведения природы, или по крайней мере отодвинуть ресторан в глубь от берега. Но заказчик хотел на воде. То, что в результате уговоров все же появилось, постаралось быть как можно незаметнее. Архитектура слеплена из природной материи, «вышла» из леса, бревна прикинулись деревьями, наклонились в такт им на 95 градусов. Такое получилось архитектуровычитание, что экомиссия, собиравшаяся запретить ресторан, приняла его за строительные леса и в таком виде разрешила. Строительные леса трудно заподозрить в нарциссизме. Если они и любят своим отражением, то не больше, чем леса настоящие. Природа не знает тщеславия.

*...но вблизи он оказывается рестораном «95 градусов».
Фото Юрия Пальмина*

Архитектура Бродского во всех отношениях местная. Она растет из сора: из грубых бревен, ржавого железа. Им обит VIP-зал — маленький домик на третьем уровне (бельведер, мезонин, скворечник?). Есть в ней что-то обобщенно-национальное и сиротское — от серой избы, от лагерной вышки, от заброшенного причала (которым она зимой и становится). В конце концов это просто кусочек природы, заключенный в покосившуюся деревянную клетку. Но виды она ловит своими бревенчатыми рамками не хуже нью-йоркских. Выходит, хорошая архитектура всегда об одном и том же: об отношениях с природой, окружением, а есть технологии, нет их — дело десятое. Архитектура просто

отмечает точку восприятия. Дело архитектора — найти эту точку и посадить туда наблюдателя.

А что же она сама, ее откуда наблюдать, для нее есть точка восхищения? Силуэт. В нем-то и видна чистота приема. Просто сваи отклонились на 5 градусов от вертикали, и архитектура «пошла». Движение — не ее дело вроде. Но вода, облака, деревья движутся — и она туда же. Клетка превратилась в косую линейку с прописями-людьми — великолепная графика на фоне заката. Люди за столиками украшают архитектуру. Ресторан, несмотря на недорогую внешность, популярен у помещиков Пироговского водохранилища. Они съезжаются сюда на яхтах. В будни —

ужинать, в выходные — соревноваться в серфинге и верховой езде.

Пауки оценили прием 95 градусов и сплели свои произведения в прилежащих углах. Тоже неплохая получилась графика. Так сказать, ответ природы архитектуре. Нувель такое и не снилось.

Так Бродский минимальными средствами решает задачи современной архитектуры: тут тебе и интерактивный фасад, и стирание границы между интерьером и внешним миром, и включение природных явлений. В общем, все, что полагается. За вычетом невидимых высоких технологий. А зачем они, если суть архитектуры в том, «чтобы фасад вдруг стал оранжево-зеленым на закате»? ■